

Григорий Рабинков. В новом городе

Биробиджанер Штерн 14.11–26.12.2018



Гессель (Григорий) Рабинков родился 26 июля 1908 года в местечке Сосница Черниговской губернии в патриархальной семье. По окончании в 1935 году в Москве педагогического института он получил направление в Биробиджан, где несколько лет преподавал еврейский язык и литературу в школе №2. Наряду с преподаванием Рабинков занимался и литературной деятельностью, публикуя в областных газетах рассказы, очерки и рецензии как на еврейском, так и на русском языках. В мае 1950 года Рабинков был осужден на 10 лет по статье 58-10 УК РСФСР (такая же судьба постигла тогда и его коллег Б. Миллера, Л. Вассерман, И. Эмиота, Н. Фридмана, И. Керлера, Б. Слуцкого, актера Ф. Аронеса и др.). Отбыв в заключении 7 лет и будучи реабилитированным, Г. Рабинков наряду с преподаванием продолжил литературную деятельность, публикуя свои произведения не только в областной печати, но и в журнале «Советиш Геймланд». Публикуемый здесь рассказ был написан в 1970-е годы.

В последние годы жизни даровитый писатель и педагог вместе с коллегами Х. Бейдером, С. Сандлером и Н. Кравцом создал первый за послевоенные годы букварь языка идиш (Хабаровск, 1982). В 1981 году Гессель Рабинков тяжело заболел и 12 мая его не стало. Похоронен писатель в Москве. Ранним субботним утром Гавриэл Йошпе вышел в садик перед домом, чтобы собрать с заботливо ухоженной клумбы несколько самых крупных роз для дочери. Сейчас ее Новосибирский оперный театр гастролирует в Хабаровске, и Инна нашла возможность заглянуть на пару деньков в Биробиджан навестить отца.

По переулку только что прошествовало на пастбище стадо поселковых коров, и в неподвижном воздухе еще чувствовался запах осевшей пыли. С одного из ближних дворов, чуть приглушенный густой зеленью кустов и деревьев, нарушая утреннюю тишину, доносился стук топора: на городских окраинах будние дни начинаются рано.

– Утро доброе, Гавриэл Романович!

В такое время да к тому же сполна погружившийся в дело, Йошпе и не мог заметить, как подошла и остановилась возле его штакетника Жанна.

– И для кого же это с утра пораньше человек так старается? – звучит вопрос. – Ой, ну какая ж прелесть! – восклицает женщина, увидев букет в руке выпрямившегося Гавриэла.

Ну так еще бы! Это ж совершенно новый сорт роз, которые он, Йошпе, буквально вынчанчил в своем садике еще в прошлом году. И, между прочим, получил тогда за них на городской выставке цветоводов почетный диплом.

Приосанившись и легко встряхнув букет в левой руке, Гавриэл сделал шаг в сторону изгороди и с улыбкой отвечал:

– Все это для такой же молодой и красивой женщины, как ты.

– И для такой, которая к тому же замечательно поет! – звонко и нараспев с улыбкой прибавила Жанна. – А вот нашему брату, скромному работнику милиции, конечно же, такого никто не дарит...

– Так ведь каждому свое, – с наигранным сожалением разводит руки Гавриэл. – Твоя стезя по жизни, как я понимаю, цветами не усыпана, да. Но вот... Короче, так: «От имени всех граждан, мир и покой которых бдительно охраняет наша доблестная милиция!..»

С этими словами Йошпе ловко отступил назад, срезал крупную ярко-красную розу с лепестками в мелких каплях росы и, картинно поклонившись собеседнице, передал ей поверх штaketника свой «презент».

Жанна приняла неожиданный подарок, отчего-то вдруг смутилась, потом прижала влажные лепестки цветка к губам и, опустив длинные ресницы, восторженно прошептала:

– Ну красавица ж!..

Жанна, соседка Йошпе, – женщина несколько выше среднего роста. У нее светлое, чуть загоревшее в эту пору правильного овала лицо. Темно-синий форменный китель с погонями старшего лейтенанта, светлая рубашка под ним и черный мужской галстук – все этой молодой женщине к лицу, все по ее ладной фигуре, что придает ей строгую элегантность. Взгляд карих, слегка удлинённых глаз Жанны выражает спокойную уверенность. Но это в обстановке обычной. В иных ситуациях (а ситуации такие в работе офицеров милиции встречаются совсем нередко) Жанна умеет смотреть на человека так, как будто пронизывает его глазами насквозь. Так уж оно ведется: любая профессия не может не накладывать на нас своего особого отпечатка...

– Жанна, – обращается к соседке Гавриэл, – а ведь у нас сегодня маленький праздник: Инна у меня в гостях. Ну тебе-то, я думаю, особого приглашения не надо. А как пойдешь, обязательно прихвати с собой и всех своих Лapidусов...

– Спасибо, Гавриэл Романович! Конечно, все придем. Ну а сейчас вспомните-ка, какой сегодня в нашем поселке день.

– А что за день сегодня такой? Суббота сегодня.

– Ну а еще?

– Еще?.. Еще... – морща лоб, силится вспомнить Йошпе.

– Э, вот вам и первопроходец! – звонко рассмеялась Жанна, шаловливо показав незадачливому цветоводу кончик языка. – Сегодня исполняется ровно сорок лет, когда вы, уважаемый Гавриэл Романович, мой отец Нисн Лapidус и все другие из тех, кто прибыл сюда одним из первых эшелонов, – теперь-то это уже история! – начали строить вот здесь свои первые избы. Да ведь у нас в областном музее даже отдельный стенд об этом есть. «Прибывшие» называется.

Темпераментный монолог Жанны Гавриэл выслушал с полузакрытыми глазами, согласно покачивая головой, а затем, не промолвив Жанне ни слова в ответ, добрых полминуты неподвижно смотрел поверх ее головы на крыши поселка. Может быть, в эти секунды перед его внутренним взором во всей своей «красе» предстала та дикая пустошь, между редкими островками суши сплошь испятнанная разводами стоялой болотной воды, в беспорядке разбросанные по неухоженной этой земле избушки ее обитателей, низкое небо в тучах и дождь, дождь...

– Молодец, Жанка, – очнувшись от мимолетных воспоминаний, улыбнулся Йошпе. – Ты у нас прям-таки живой календарь.

Да, Жанна помнила не только массу календарных дат – она знала все или почти все, что относилось к «биографии» своего поселочка «Новый», к западу от которого и располагался сейчас собственно город. Своего рода коллекционирование различных документов и запись воспоминаний бывших переселенцев были, как выражаются сейчас, хобби девушки еще со школьных лет.

В это время во дворе, сначала отрывисто рыкнув несколько раз, затрещал мотоцикл, и из распахнутых ворот на нем выехал на обочину дороги Элик. Увидев Жанну, он остановился, приглушил мотор и, опершись одной ногой о землю, обратился к ней:

– Привет! Тебе в город?

По тону, с каким он произнес эти три слова, по тому, как он посмотрел на соседку, было совсем нетрудно заключить, что парень, что называется, не совсем к ней равнодушен.

Элик, по мнению поселковых старожилов, – точная копия Гавриэла в молодости: высокорослый, широкоплечий, с лица его, кажется, никогда не сходит загар. Всегда серьезный и сосредоточенный, парень выглядит несколько старше своих лет. Да и должность прораба одной из строительных организаций, по мнению самого Элика, обязывает его выглядеть солидней. В последнее время, очевидно, с этой же целью он даже бородку решил отпустить. Сам он новую черточку собственной внешности счел дополнением к образу руководителя вполне удачным, а вот дед Элика, девяностодвухлетний Гедаля, каждое утро бреющийся электробритвой – подарком внука-строителя, при случае иронизировал:

– Может, ты найдешь хотя бы полчаса эту свою бороду состричь да побриться? А то ходишь, как вон тот козел...

Встретив сейчас у своего дома Жанну, Элик несколько растерялся. Смутило его то, что она, небрежно кивнув в ответ на его приветствие, сделала вид, как будто не расслышала его вопроса. Поэтому он, намеренно придав голосу нотку такой бодрой деловитости, повторил:

– Или тебе не надо в город, Жанна?

Мотоциклист постарался никак и ничем не проявить душевного трепета, когда Жанна, будто спохватившись, что ей надо сегодня быть на службе, сказала: таки да, ей в город, и хорошо, если сосед ее туда подбросит.

Жанна заняла пассажирское сиденье, мотоцикл выезжает из переулочка и исчезает в белесом облаке пыли.

Гавриэл еще несколько минут в задумчивости стоит у забора. Сейчас, только что увидев Элика рядом с девушкой, он невольно уходит в памяти к недавнему прошлому, когда еще жива была его Рися. Та, бывало, в шутку частенько называла свою подругу, мать Жанны,

сватьей. Да, было такое... «А Элик-то, сдаётся мне, и правда влюблен в Жанну, – размышляет Гавриэл. – Да только вот она-то как? Э, поди знай этих женщин...»

Гавриэл, поставив срезанные розы в вазу с холодной водой, перенес букет на веранду, где спала приехавшая накануне поздним вечером Инна. В город (а если точнее, в центр города) Йошпе сегодня ехать не собирался, дома как будто тоже было особо нечем заняться, и спустя пару часов Гавриэла Йошпе можно было видеть неспешно шагающим по единственной широкой улице поселка, ведущей к довольно просторной площадке, которую с весны обнесли изгородью: скоро на этом месте начнут строить многоквартирный каменный дом. Руководить же его постройкой будет не кто иной, как Элик Йошпе. Ну а пока что аккуратно расчищенную будущую стройплощадку облюбовали для своих «сходов» поселковые пенсионеры.

Как он и ожидал, на том же месте, как и всегда, Гавриэла по-приятельски приветствовали его старые знакомые – почти все из тех «прибывших», которым и посвящен тот музейный стенд, – пассажиры первых переселенческих эшелонов.

– Всем доброго дня, – громко ответил на приветствия Йошпе. – А знаете ли вы, майнэ тайерэ хавэйрим, что сегодня у всех у нас маленький праздник? Именинники мы сегодня, да!

– И что это за праздник такой? Чему надо радоваться? – интересуется кто-то. И услышав, о каком таком празднике идет речь, все начали вздыхать.

– Ай-ай! Неужто уже сорок годков пролетело, Гавриэл?

– О вэй из мир, как же время летит!..



Рисунок Владислава Цана
(Продолжение. Начало в № 45)

Тем часом к группе собравшихся на привычном месте подошло еще несколько человек, людей пожилых, не один десяток лет проработавших как на «производстве», так и на собственных подворьях (а жить в «частном секторе» все равно как в селе). Теперь, оказавшись в роли пенсионеров, они не без труда свыкались со своим новым положением,

когда и спешить никуда не надо, и задумываться особо как будто не о чем. А вы считаете, это просто?

Отдав должное месту сбора, потолковав о том о сем, старики неспешно двинулись затравевшими переулками обратно в поселок, разделенный одной-единственной широкой улицей, по-городскому заасфальтированной посередине.

В это ясное летнее утро здесь все вокруг радовало глаз греющим душу уютом. Такими близкими и дорогими казались сейчас каждому разноликие дома и домишки поселка: деревянные, шлакоблочные, с пристройками и без, затененные деревьями или полузакрытые кустами сирени. А чуть заметный ветерок дышит запахами садов, огородов, пчелиных ульев. Даже вид доживающих здесь свой век неказистых хибарок с побеленными «для красоты» ставнями на низеньких окнах навеивает воспоминания о чем-то далеком, минувшем, детском...

У некоторых домиков пенсионеры замедляют шаг, даже останавливаются: не эти ли неброские с виду строения положили начало поселку те самые сорок лет назад? Да, точно они. Тут же в общей беседе звучат имена людей-тружеников, которых нынче уже нет на этой земле – светлая им память... Сколько ведь всего было пережито и переделано за четыре-то десятка лет. И о том, что впереди, тоже зашел разговор. Недавно приглашенный из города Жанной Лапидус лектор как раз и рассказывал о генеральном плане застройки и развития города.

Николай Евстигнеевич Собибенко – уроженец этих мест и единственный коренной житель нынешнего поселка, вспомнив о той лекции, говорит:

– На месте моей хаты, как я понял, библиотеку будут строить. Районную, говорят.

– От нашего двора тоже ничего не останется. Так вот и...

– Короче говоря, все другое и все по-другому здесь будет, – ловко крутнув перед собой свою «прогулочную» тросточку, с которой никогда не расставался, заключил Исай Шпарага.

– Да, наступает на нас город, наступает...

К тому, что город «наступает» (в официальных бумагах поселок, подлежащий застройке на городской манер, называется микрорайоном номер 12), отношение у жителей здешней окраины неодинаковое. Хозяева дворов покрепче – те, у которых и дома по всему не из последних, и огороды соседям на зависть (хозяев таких в поселке «консерваторами», а подчас даже кулаками зовут), считают, что-де невелика радость от того, что город поселски обустроенный поселок потеснит. Другие (с чьей-то легкой руки их здесь зовут «экстремистами»), напротив, заявляют, что жить в городской квартире – с ванной, газом, горячей водой и прочим подобным – вовсе не так уж плохо.

– А ты что скажешь, Гавриэл? – слышит обращенный к нему вопрос Йошпе, когда кто-то опять затронул в разговоре тему «наступающего города».

С мнением Гавриэла Йошпе – как-то уж так повелось – в поселке всегда считались. Рослый, довольно крепкий для своих шестидесяти с лишним лет, Йошпе как будто не утратил привычной для него военной выправки. Неторопливый в движениях, он производит на окружающих впечатление человека, уверенного в себе, хорошо знающего, что делать и как поступить. Прибывший когда-то в эти края пассажиром одного из первых переселенческих эшелонов, он, комсомолец из полурусского-полуукраинского городка Середина-Буда, был в числе тех, кто валил деревья в тайге, сплавлял лес по неширокой, но бурной горной реке, строил первые двухэтажные дома и кто запустил в работу пусть

небольшую и маломощную электростанцию, тем не менее позволившую зажечь свет в окнах новых жилищ, которыми город, а тогда еще рабочий поселок, теснил и отодвигал дикие заболоченные пустоши. С детства тянувшийся к разным «железкам», Йошпе в свое время стал и одним из первых рабочих нового предприятия в городе – обозного завода. На заслуженный отдых его, всеми уважаемого мастера токарного дела, провожали уже с «Дальсельмаша» – не последнего по своему значению завода на Дальнем Востоке.

Выйдя на пенсию, Гавриэл все свое свободное время отдал выращиванию цветов и деревьев. Большая часть горожан не помнит, а может быть, даже не догадывается, что в густых аллеях вдоль широких, застроенных уже каменными домами улиц, в яркой россыпи цветов на клумбах и газонах перед фасадом здания облисполкома, в живописных островах зелени скверов и площадей областного центра есть немалая доля труда Гавриэла Йошпе.

Пожалуй, что не один из старожилов окраинного поселка, из тех, у кого теперь свои садики с грушами-«лукашовками», с твердой дальневосточной сливой, малиной и смородиной, может припомнить и то, как много лет назад Йошпе приставал к нему или к его соседу: «Послушай же, что тебе говорят. Возьми саженец, возьми у меня их хоть целый десяток и разбей садик». А тот, кого Гавриэл «доставал» своими советами, бывало, отмахивался от советчика, что называется, обеими руками: «Ой, да отцепись ты от меня со своим садом! Вырастет он здесь, жди. Может, мне еще и соль под окном посеять?» А Гавриэл, заявляясь неожиданным гостем то к одному, то к другому обитателю поселка, непременно приносил с собой «букет» саженцев, которые он приносил откуда-то с другого конца города.

– Смотри, Касрилик (Шлоймэ, Леня, Борух), как это делаю я, и делай так же, – наставлял он кого-нибудь из своих ближних или дальних соседей. – И через год-другой зашумит у тебя сад!

И таки зашумели со временем сады возле домов и домиков поселка Нового, обязанного своим названием началу уже далеких тридцатых. А между корявых стволов старых, с густолиственными кронами плодовых деревьев поднимается молодая поросль. Краснеют в садах сливы, золотятся в листве груши...

– Так что же ты скажешь, Гавриэл, насчет жизни в поселке и в городе?

3

Да только так и не успел Гавриэл ответить на вопрос своих товарищей. Возле них, скрипнув тормозами, остановился подъехавший со стороны города зеленый «Москвич». Из него вышел всем здесь хорошо знакомый хирург областной больницы Константиновский. Обойдя машину, он ловко распахнул вторую дверцу кабины, выпустив из нее среднего роста полноватого пожилого мужчину в очках, державшего в руке объемистый коричневый портфель. Вежливо попрощавшись с пассажиром, хирург снова занял водительское место, и, пыхнув синим дымком, «Москвич» укатил в путь обратный.

Все молча с любопытством смотрели на человека с портфелем. Краткую немую сцену радостным и удивленным восклицанием нарушил Гавриэл:

– Роман? Ты?

– Стоп! Да это ж вроде как профессор... Ну тот, из Хабаровска, – обернувшись к приятелям, негромко произнес Собибенко.

Года два назад ему, Николаю Собибенко, не кто иной, как Гавриэл Йошпе, помог попасть «с желудком» в хабаровскую клинику, к известному врачу – профессору Лаврову. Бывший пациент сейчас не вдруг его узнал: там, в больнице, он всегда видел врача одетым в белый халат, с белой шапочкой на голове, а подчас и с такой же повязкой на лице и, как правило, в тесном окружении студентов и ординаторов.

– Эге! – близоруко сощурившись, оглядел Собибенко прибывший. – Да это, кажется, мой пациент!

И подойдя к стоявшим ближе и окинув взглядом их лица, уверенно заключил:

– Да и вон тот дядя тоже из моих. Как живешь-можешь, старина?

– Глаз пограничника! – восхитился Гавриэл, обняв Лаврова. – Тебя, Роман, сегодня сам бог к нам прислал. Ко мне как раз Инна моя на пару деньков заглянула. Так это ж отметить надо. И вы, друзья-гвардейцы, – обратился он к остальным, – надеюсь, ждать себя не заставите. Роман Иванович тоже ведь старый биробиджанец. А сегодня у нас, Роман, дата приметная: ровно сорок лет мы здесь.



Рисунок Владислава Цана
(Продолжение. Начало в № 45)

Исай Шпарага, энергично бросив под мышку свою «прогулочную» палочку, бодро ответил за всех:

– Против – никого. От рюмки водки да от коврижек к чаю, говорят, грешно отказываться.

– Да, город ваш растет, хорошеет, – шагая рядом с Гавриэлом к дому друга, говорил Лавров. – Сорок лет ему, говоришь? Это когда ж я-то сюда прибыл, а?

– Когда? Дам тебе точную справку: в тысяча девятьсот тридцать четвертом году.

Роман Лавров родом из Галича, что под Костромой, тогда, в 1930-х, служил вместе с Гавриэлом Йошпе на одной погранзаставе на Амуре. Там и завязалась дружба этих двух совершенно разных людей – дружба, которая длится до сих пор. У Романа не было никого из родных и воспитывался он в детском доме. И, случалось, на побывку он приезжал вместе с другом Гавриком сюда, на окраину Биробиджана, которая только начинала

застриваться. Так что ни одно бревно в срубах домов на широкой улице поселка уложено руками будущего профессора.

После окончания армейской службы пути друзей разошлись. Окончивший до призыва фельдшерскую школу в Костроме, Роман мечтал стать врачом. И когда, как раз в год увольнения Лаврова «на гражданку», в Хабаровске открыли первый на Дальнем Востоке медицинский институт, парень поступил на лечебный факультет вуза. Все студенческие каникулы Роман проводил в доме Йошпе. Гавриэл к тому времени был уже женат и жил в новой просторной пристройке к отцовскому дому. Желая немного подработать, Роман устраивался на лето фельдшером здесь же, в Биробиджане, а по ночам дежурил на машине «скорой помощи».

Оба заядлые рыбаки и охотники, Роман и Гавриэл субботними вечерами уходили в тайгу, в то время подступающую к городу едва ли не вплотную, а в воскресенье ближе к полночи веселые, пропахшие потом и дымом костров, в сапогах, заляпанных болотной грязью, возвращались из леса с рюкзаками, полными дичи и крупных рыббин.

Навещал Роман дом Йошпе и зимами, приезжая в Биробиджан накануне выходных, случалось, на каком-нибудь «товарняке». Родители Гавриэла принимали Лаврова как родного сына, а перед его отъездом мать Гавриэла вручала гостю торбочку со съестным – неоценимой поддержкой для молодого человека в пору студенчества.

Позднее Роман стал бывать в Биробиджане даже чаще, чем обычно, но на это была уже иная причина.

...Первый раз он увидел Хаюсю Шафран воскресным вечером в вагоне поезда, когда возвращался в Хабаровск. Девушка сидела напротив него у самого окна и при слабом свете верхней лампочки перелистывала книгу – роман Ильи Эренбурга «День второй», в то время популярный у молодежи. В общем вагоне царил шумное веселье: с какой-то экскурсии возвращались в город Комсомольск-на-Амуре ребята тамошних профтехучилищ. Всю дорогу вагон оглашали песни, шутки, взрывы смеха. Роману запомнилось бледное лицо девушки и гладко причесанные волосы с тонкой розовой ниточкой пробора. Одета она была в рубашку цвета хаки с белым воротником (такие рубашки в те годы были в моде у комсомольской молодежи), костюм девушки дополняла черная юбка под цвет туфель на низком каблуке. Особенно запомнились Лаврову большие черные глаза незнакомки – глаза, в которых таилась печаль даже тогда, когда она улыбалась чьей-то удачной шутке. Романа тронула мысль: люди с такими глазами пожалуй что редко бывают в жизни счастливыми...

Когда поезд миновал мост через Амур, девушка надела висевший тут же на стенке черный жакет, переобулась в дерматиновые «балетки» и направилась к выходу. Шумный поток «фэзэушников» вынес чуть замешкавшегося в тамбуре Романа на перрон, но своей недавней попутчицы он не увидел: та уже затерялась в толпе.

Случилось так, что, однажды тоже в вагоне поезда, отправившись на выходной из Хабаровска в Биробиджан, Роман снова увидел ту девушку. Место напротив нее оказалось свободным, и парень немедля поспешил его занять. Она, на секунду остановив на нем взгляд своих больших черных глаз, видимо, узнала его и улыбнулась. Он обрадованно ответил тем же, между ними постепенно завязалась беседа, и оба не заметили, как пролетели четыре часа. Автобусов и уж тем более такси в Биробиджане тогда не было, и приличное расстояние от вокзала до окраинного поселка надо было преодолевать пешком.

Шагая с девушкой по узким деревянным, местами порушенным тротуарам и отыскивая под ногами сухие островки, Роман уже знал, что спутницу его зовут Хаюся Шафран (он тут же мысленно переименовал ее имя с еврейско-украинского на русский лад – «Хаюша»).

Год назад она окончила в Чернигове текстильный институт и трудится в должности технолога на местной, недавно открывшейся фабрике, а сейчас вернулась с краевого совещания работников легкой промышленности. И еще Роман узнал, что Хаюся живет в фабричном общежитии – новом двухэтажном доме, мимо которого и надо пройти по дороге в поселок Новый.

Та давняя весна была счастливым временем в его жизни. По субботам он выезжал из Хабаровска пятичасовым поездом «Владивосток – Москва» и в этот день до полночи и все воскресенье не расставался с Хаюсей. Выбирая места посуше, они бродили по улочкам и задворкам поселка и не замечали женских глаз, следивших за ними из-за оконных занавесок.

В начале лета Хаюся, получив свой первый отпуск, поехала погостить к родителям в Чернигов. Вернуться оттуда ей было не суждено – был июнь 1941 года... Роман, как и Гавриэл, ушел на фронт в самом начале войны. Потом, много лет подряд, Роман пытался найти Хаю Шафран. Пытался... Найти...

Доктор медицинских наук профессор Роман Иванович Лавров, бывает, и сейчас нередко навещается в Биробиджан. Здесь он консультирует врачей областной больницы или читает лекции на курсах усовершенствования медработников (правда, в последнее время он стал выезжать из Хабаровска реже, а из клиники своей вместо себя посылает в областной центр коллег помоложе). Ну а после консультаций Лавров – желанный гость Гавриэла Йошпе и проводит с ним два-три часа, остающихся до отхода поезда.

4

Двадцатисемилетний Элик-Илья Йошпе, отслужив «на флотах», окончил строительный факультет Хабаровского политехнического и при распределении из вариантов Солнечное, Советская Гавань, Биробиджан выбрал родной город, в котором предстоит еще столько всего построить! Трест «Биробиджанстрой», где выпускник «политэна» начал и продолжает работать, ему, молодому специалисту и пока еще холостяку, относительно быстро выделили однокомнатную квартиру в новой типовой пятиэтажке, чему парень, не один год проживший в студенческом общежитии, был несказанно рад. Однако в последнее время он нередко остается ночевать в отцовском доме. Может быть, по причине того, что отсюда до стройки ему совсем недалеко.

Год назад, как раз с направлением на работу в «Биробиджанстрой», на автобусной остановке неподалеку от вокзала Элик столкнулся с отцом Жанны Лapidус Нисном, соседом семьи Йошпе.

– Ну, – окинув парня оценивающим взглядом от шапки курчавых волос до остроносых ботинок, поинтересовался у него Нисн, – Уже все? Уже инженер?

– Пока что диплом инженера, – отвечал Элик.

Тогда как раз от него, рослого, крепкого не по годам Нисна Лapidуса – мужчины с обветренным лицом и глубоким шрамом на левой щеке (след осколочного ранения) Элик услышал, что Жанна путешествует на теплоходе «Дунай», «катающем» туристов по Средиземному морю. При этом Лapidус не без иронии добавил, что если бы не он, отец путешественницы из Биробиджана, «простой работяга» с трансформаторного, то Жанна, несмотря на свое «высокое» образование и должность инспектора-криминалиста, навряд ли могла бы себе позволить отдых на теплом море.

Элик старше Жанны года на три или четыре, и хотя оба они в детстве и юности жили по соседству, но были едва знакомы и почти никогда не общались. В годы мальчишества

Элику и дела не было до нескладной длинноногой девчонки с соседского двора, с которой дружила его сестра Инна. Спустя год после окончания школы Элик ушел служить во флот, а Жанна как раз в те же годы поступила в Высшую школу МВД в Москве. После службы, учась в Хабаровске, Элик видел Жанну буквально считанные разы, да и то чисто случайно.

...В тот день Элик допоздна задержался на стройке и решил переночевать в старом доме в поселке. Расположился он на ночь – как это бывало летом и в прежние годы – на веранде. Все окна здесь были открыты, а залетающих комаров прогонял прохладный ночной ветерок. Спал Элик крепко, как может спать человек в свои молодые годы под крышей родительского дома. А когда проснулся, во дворе сияло яркое летнее утро, голубоватые тени деревьев на облитой росой траве обещали погожий солнечный день. Натянув свои старые, завалывшиеся за дверью чуланчика шаровары, Элик бодро направился через двор к колодцу, чтобы окатить себя холодной водой. В эту минуту он и увидел по другую сторону плетня, то есть в соседском дворе, Жанну. Значит, вернулась из своего путешествия. Гибкая, стройная, в черных, туго облегающих ноги брюках и в красной вязаной кофточке, она стояла на табуретке и, что-то напевая про себя, протирала окна застекленной терраски.

Немного погодя, Элик увидел, как Жанна, выйдя из дома, торопливо шагала к автобусной остановке, и тут же вспомнил, что сегодня утром ему надо быть в управлении треста. На ходу застегивая пуговицы белой рубашки, он тоже заспешил к автобусу.

«Придется подойти к ней поздороваться, – размышлял парень. – Только как к ней теперь обращаться – на «вы» или на «ты»? Она ж вон какая... взрослая». А Жанна поприветствовала Элика первой и как-то просто, по-своему обратилась к нему на «ты».

– А, Элик! – обрадованно вскинула на него свои удлиненные, чуть раскосые глаза девушка. – Вернулся к родным березкам?

Сойдя с автобуса возле рынка, они шли до здания областного отдела милиции вместе. По дороге к тресту Элик уже в мыслях видел удаляющуюся фигуру Жанны, в его ушах все еще звучал твердый и уверенный стук ее высоких каблуков, уносящий ее в тот мир, о котором он, Элик, имеет представление весьма отдаленное.

Вскоре после этого Жанна вдруг исчезла. Говорили, отбыла в командировку в какой-то район, но в какой – не знала даже ее мать. Однажды Элик слышал, как она, их соседка Гута Лапидус, признавалась его отцу, что очень боится за дочку:

– Ну мыслимое ли дело идти молодой девушке в этот – как его? – уголовный розыск. И не дай-то бог...

Гавриэл утешал Гуту:

– Вы не переживайте. Такие девушки, как ваша Жанка, – человек из тех, что умеют и за себя, и за добрых людей постоять.

Оказалось, что такие же выезды у Жанны были вовсе не редкими, а Элик время от времени ловил себя на мысли, что как будто без особых на то причин думает о девушке из соседского дома. И когда ее не было ни в поселке, ни в городе, он без всякой цели слонялся по улице, всякий раз оказываясь (нет-нет, просто случайно) на тропке вдоль изгороди соседского подворья, и охотней, чем это бывало раньше, поддерживал беседу с отцом Жанны, который постоянно что-то пилил и строгал во дворе. Поздней, чем обычно, возвращался Элик в эти дни и со стройки, где при свете прожекторов работала вторая смена.

Мастер с его объекта Зильбовский, красавец мужчина под сорок, имевший у тех, кто его знал, репутацию ловеласа, как-то остановил Элика возле крана:

– Что я имею тебе сказать, Илья... Там у вас в поселке одна девица проживает – Жанна, Жанна Лapidус. Если не ошибаюсь, она там соседка твоя. Ну та, которую еще врач, хирург этот, все обхаживает...

– Какой еще врач?

Зильбовский, бросив на Элика удивленно-ироничный взгляд, хотел сказать что-то еще, но тут как раз в ворота въехала машина с бетонными плитами (а их монтажники ждали еще с утра), и мастер, махнув рукой, поспешил к панелевозу.

«Врач, хирург?..» – силился как будто что-то вспомнить Элик.

А через два или три дня после того прерванного разговора с мастером Элик, да, увидел Жанну рядом с высоким блондинистым парнем в модном светло-сером костюме. Это и был хирург Валерий Константиновский, буквально весной приехавший в Биробиджан после окончания ординатуры. Жанна нашла случай познакомиться молодых людей, и Элику почему-то показалось тогда, что франтоватый доктор с горделивой осанкой и подчеркнута уверенной жестикуляцией посмотрел на него этак свысока.

Вечерами, возвращаясь со стройки в отцовский дом, Элик нередко видел у ворот Лapidусов зеленый «Москвич» хирурга, а из распахнутых окон соседского дома доносились звуки рояля. Судя по всему, фортепианные пьесы исполняли в четыре руки Константиновский и она, Жанна, – оба большие любители музыки. Элику в такие минуты каждый раз вспоминалось, как две девчушки – Жанна и его сестренка Инна – с большими черными папками в руках ездили когда-то в город в музыкальную школу. Его, Элика, тоже отдавали в ту школу учиться играть на скрипке, однако особой охоты к занятиям музыкой он не проявлял.

Ночевать в отцовском доме Элик стал все чаще. Смыв с себя дневную пыль и переодевшись в чистое, он отправлялся к остановке автобуса или просто прогуливался по улице в надежде встретить Жанну. Удавалось это ему не всегда: та была либо в очередной командировке, либо возвращалась со службы в поздние часы. В этих случаях Элик считал свой вечер потерянным. Но бывало и по-иному. Вот она вышла из автобуса и...

– Элик? – Жанна стоит перед ним со связкой книг в руке. – Собрался в город, домой?

Да нет и нет, конечно же! Но не скажет же он ей, что только и ждал с ней встречи. Он проводил Жанну до начала их улицы, потом они сделали круг и вышли в слабо освещаемый поселок уже с другого его конца. Прогуливаясь, они делились воспоминаниями о событиях прошедших лет здесь, на их широкой улице, или в городе, вспоминали своих друзей и общих знакомых, которых у них обоих было немало. А у Элика прямо сердце сжалось, когда, мельком глянув на часы, Жанна направилась к своему дому с освещенной верандой. Правда, потом они долго стояли возле штакетника. Жанна поинтересовалась, какие из ближних домов поселка снесут в связи с запланированной тут «городской» застройкой.

— А что, и наши дома будут сносить?

– Да, и наши будут.

– Жалко, – печально вздохнула девушка. – Ведь мы-то с тобой выросли здесь.

– А ты что, всю жизнь тут прожить собиралась?

– Да нет, я вообще говорю. А вот соседи наши... Столько лет прожить бок о бок, а потом вдруг раз – и разъехаться по разным концам города.

– Ну, во-первых, не все поедут в город. Мы вот-вот начнем вон на той площадке дом на восемьдесят четыре квартиры строить. И во-вторых, не завтра же дома наши под снос пойдут. Только со временем, конечно, и их очередь подойдет.

– И что тогда твой дедушка без своих ульев делать будет?

– А что будет делать твой отец без своих бревен и досок?

И тут оба негромко рассмеялись.

Потом, оставшись один, Элик досадовал: ну не то и не о том собирался он поговорить с Жанной! И отчетливо вспомнил, как они стояли у изгороди и Жанна носком туфли толкнула калитку, а он в этот момент взял в свою шершавую ладонь ее тонкие озябшие пальчики. Она не отняла руки, только вскинув ресницы, внимательно посмотрела ему в глаза. И чуть заметно улыбнулась. Только при рассеянном свете из окон веранды Элик не мог понять, была та ее улыбка по-девичьи лукавой или попросту насмешливой, и он отпустил ее руку. Вот же, черт возьми! Он же бывший флотский, человек не из робких, да и девушкам, он это точно знал, нравится, а тут заробел как... «Салага!» – ругал он себя.

Попытавшись сравнить свои шансы с очевидными преимуществами хирурга, Элик пришел к печальному выводу: проигрывает он этому Константиновскому по всем статьям. Тот личность в городе заметная, с именем и с положением. О нем даже профессор Лавров как-то сказал больным: зачем-де вам в Хабаровск ехать, если у вас тут врач Константиновский работает? А кто он, Илья Йошпе? «Среднестатистический» инженер. Только и всего...

На днях, выйдя из прорабского вагончика, он увидел проезжавший мимо зеленый «москвичок», за стеклами которого на миг обозначился тонкий профиль Жанны, и так у него сжалось сердце – прямо хоть вдогонку за той машиной беги... А она уже исчезла из виду, промелькнув перед глазами, будто сон.

По дороге домой его остановил Исай Шпарага. С притворно-сочувственной интонацией в голосе, глядя на Элика исподлобья, он произнес:

– Ты не подумай чего, и дай бог, чтоб я тут ошибался, но...

Что-то в этом духе, обильно уснащая речь туманными полунамеками, явно лишними словами и отступлениями, Шпарага заключил:

– В общем, с твоего позволения я хотел тебя, так сказать, поставить в известность, что Жанна со своим доктором поехала в город на какой-то концерт.

Элик был неприятно удивлен: ему ведь даже и в голову не приходило, что в поселке, где всегда все знают обо всех, досужие кумушки давно точат языки о его отношениях с Жанной Лapidус, и он тут же живо представил себе, как они судачат об этом, облизывая губы и выразительно играя глазами... Не успев что-то обдумать и взвесить все эти «за» и «против», Элик остановил грузовик со знакомым шофером и, запрыгнув в кабину, коротко бросил:

– Мне во Дворец культуры. И бекицер, Шурик!

В ДК он вошел перед самым началом концерта. Билеты в кассе еще были, но только в последних рядах. Заняв свое место, Элик внимательно оглядел зрительский зал, однако Жанны и хирурга не увидел. Но вот из-за кулис вышла молодая женщина, директор Дворца культуры, и объявила, что сейчас выступит известный пианист из Германии (она назвала его фамилию). Затем на ярко освещенной сцене появился высокий плечистый мужчина в черном фраке. Он сел за фортепиано, но прежде чем играть, повернулся на вращающемся стульчике лицом к залу и несколько секунд пытливо всматривался в первые ряды.

В антракте Элик вышел в фойе. Ему сейчас хотелось побыть одному. Но тут, прямо как назло, к нему подошла знакомая девушка, тоже инженер-строитель, в недавнем прошлом – его однокурсница. С похвалой отозвавшись об исполнительском мастерстве пианиста, она как бы между прочим посетовала, что в «Целинстрое», где она работает, ей постоянно приходится быть в разъездах по районам, и она хотела бы перейти куда-нибудь в другую строительную организацию. Например, туда, где трудится он, Йошпе. Довольно рассеянно слушая это, Элик все время обшаривал глазами фойе, но хирурга и Жанны нигде не было.

В зале еще звучали «заключительные» аплодисменты, а Элик уже стоял за колонной у выхода из вестибюля. Он не мог побороть в себе упрямого мальчишечьего желания непременно увидеть их вместе – Жанну и Константиновского. Людей из зала выходило много, он терпеливо ждал и наконец увидел их – нарядно одетую Жанну и ее кавалера. Элик расслышал, как тот проговорил ей:

– Да, техника действительно впечатляет, но исполнение... Как-то рационалистично, знаешь. Холодно, я бы сказал...

– Ты здесь? – удивилась Жанна, заметив Элика. – А мы тебя не видели.

– С работы... Опоздал.

Элику не хотелось продолжать разговор. Ему показалось, что во взгляде Жанны промелькнула тень сомнения.

– Ну идем, Валерий отвезет нас домой, – улыбнулась она.

– С превеликим удовольствием, – повернувшись к Элику, поддержал предложение спутницы Константиновский.

– Покорнейше благодарю, – в тон ему отвечал Элик, и Жанне: – Сегодня я остаюсь здесь, дома у себя.

В поселок он возвратился затемно, последним автобусом. Не надо объяснять, в каком настроении. Неохотно поев оставленное для него на столе, полистал папку с чертежами «на завтра» и лег спать. Заснуть сразу не удалось. В голове бились мысли: «Нет, я должен, просто обязан сказать ей все... Сказать завтра же! Хотя разве не ясно, что... В общем, надо со всем этим кончать! И без никаких!..»

На следующее утро к дому Лapidусов подъехала милицейская машина, и Жанна вместе с инспектором ОБХСС (**отдела борьбы с хищениями социалистической, т. е. государственной, собственности – прим. перев.**) на всю неделю уехала в Смидовичский район. Вернувшись из поездки уже под вечер, она опять увидела на автобусной остановке Элика. Они немного прошлись по окраинным, безлюдным в это время улочкам, и перед тем как повернуться к дому, Элик на секунду остановился и спросил:

– Жанна, с хирургом, то есть с Валерием... это у вас серьезно?

В ответ он не услышал ни слова. Почему? Может статься, он затронул нечто такое, чего ему касаться вовсе не следовало? Да, она промолчала. Но при слабом свете одинокого уличного фонаря в ожидании хоть какого-то ответа он заглянул в ее лицо и не уловил в спокойном взгляде девушки ни тени отчуждения. Сердце парня, на миг окрыленное надеждой, радостно забилося. Однако, если по правде, на что он может рассчитывать? Только чем объяснить ее молчание? Возможно, пока что-то не ясно и ей самой?..

По дороге в город Элик остановил мотоцикл перед ограждением одной из стройплощадок, где, наверстывая упущенное, сейчас, в конце квартала, бригада монтажников работала и в эту субботу. Элик, отдав несколько распоряжений мастеру участка, вернулся к ожидавшей его Жанне и прежде чем запустить движок своего ИЖа, обратился к ней:

– Товарищ старший лейтенант, мой старик собирается устроить сегодня маленький сабантуй. Во-первых, в честь вчерашнего визита моей сестрички, во-вторых, в честь сорокалетия нашего поселка. Так что уж пожалуйста к нашему столу. А что ты улыбаешься?

– Так я же сама дяде Гавриэлу только что и напомнила о твоём «во-вторых»...

6

Вечером все окна большого дома Йошпе светились по-праздничному ярко.

Вот в боковой комнатке у шкафа с зеркалом прихорашивается уже немолодая женщина – дальняя родственница покойной жены Гавриэла. Года три назад она уехала в гости к замужней дочери в Москву и вскоре, выйдя там замуж за вдовца-пенсионера, на Дальний Восток больше не вернулась. Теперь она приехала в Биробиджан, чтобы продать свой дом и заодно навестить родственников и многочисленных знакомых.

– Элик, ты можешь мне сказать, зачем ты в свои такие молодые годы торчишь на этой периферии, как твой отец? – вопрошает она младшего Йошпе. – Приезжай ко мне в Москву. Я тебя там женю так, что ты будешь иметь и квартиру, и «Волгу», и дачу!

– Ну а девушка, тетя Ципа, невеста то есть, будет мне хотя бы в придачу? – живо интересуется у столичной тетушки Элик.

В самой большой комнате дома за накрытым столом на почетном месте сидят профессор Лавров и девяностодвухлетний Гдалье, отец Гавриэла, сгорбленный старик в старомодном суконном костюме. Под незастегнутым пиджаком у него – тоже на старинный лад – жилетка, надетая на белую накрахмаленную рубашку, воротник которой явно велик для темной морщинистой шеи деда. Один глаз Гдалье немного косит, и это придает его как бы по-птичьи заостренному бритому лицу такое выражение, словно он вот-вот выдаст какую-нибудь едкую шуточку.

– Слушай сюда, Роман, – осаждаёт он профессора. – Говорят, что от вашего этого рака нет лучшего средства, чем бутылочка «таежного» пива. И что, таки правда?..

Старик убежденно заявляет, что в прежние времена профессора были не то что нынче, и рассказывает (уже в который раз) о том, что помещик Косинский, у которого он, Гдалье, когда-то служил на винокурне, был в Петербурге профессором. Так вот когда этот Косинский, бывало, уходил из дому в шляпе, то возвращался без нее – такой был рассеянный. Зато какие высокие мысли имел человек в голове!

Гдалье говорит по-русски так, как человек из Центральной России: четко выговаривает «р» и твердо – звук «ш». До революции дед работал у богачей на винокуренных заводах в деревнях, где евреям жить не разрешалось по закону.

Надо сказать, что Гдалье Йошпе – что называется, человек с биографией. Вместе со старшим сыном Гавриэлом он был в числе тех «первооткрывателей», которые и нашли клочок относительно сухой земли на месте, где начал строиться нынешний поселок Новый. Вместе с Гавриэлом он, на удивление всем, разбил здесь сад. Да такой, что через несколько лет на него приезжал посмотреть из Хабаровска сам Лукашов, известный на Дальнем Востоке ученый-садовод.

Несмотря на свои «тогдашние» пятьдесят с лишком лет, переселенец Йошпе пошел работать в стройконтору плотником – это была в те годы самая востребованная профессия в юном, поначалу сплошь деревянном городе.

Случилось так, что перед самой войной Гдалье вместе с женой, всегда тосковавшей по родным местам и родне, поехал на запад. Там их и застигла война. Мать Гавриэла, как и все ее родственники, погибли в гетто, а Гдалье оказался среди считанных обитателей лагеря, которых колхозникам из ближней деревни Ситное удалось переправить в Гутские леса, а оттуда – к партизанам Ковпака.

До сегодняшнего дня в одном из ящиков комода в большом доме Йошпе хранятся фотоснимки – гордость Инны и Элика в пору их пионерских лет. На одной из фотографий запечатлен их дедушка Гдалье в группе бородатых партизан в телогрейках и с автоматами; на другом фото – партизаны, снявшиеся со своим командиром Сидором Ковпаком на фоне лесистых Карпатских гор.

Ест сейчас Гдалье мало, но за обедом по старой привычке стопку «Столичной» нет-нет да и опрокинет. При этом страдальчески морщится и с притворным удивлением произносит:

– Неужто от этого можно опьянеть, а?

Зимними вечерами он сидит перед телевизором и обо всем увиденном готов тут же высказать собственное и, конечно же, неоспоримое суждение. Летом с утра до вечера старик с опущенной на лицо марлевой сеткой и с веничком из гусиных перьев в руках хлопочет в саду возле своих «уликов».

С некоторых пор Гдалье начал всех уверять, что ему не девяносто два, а на целых десять лет больше. И когда к Элику заходят друзья, он любит разыграть перед ними роль личности легендарной, например, выдавая себя за николаевского солдата: «Мы, старые кантонисты...»; «А как-то Николка Первый этот, да сгинет имя его...», – начинает «вспоминать» дед... Его, бывает, прервут: «Реб Гдалье, что-то у вас тут не срастается». На что рассказчик, уставив на скептика немигающий взгляд, отвечает вопросами: «Что это у тебя тут не “срастается”? Царь Николай Первый был?» – «Ну был». – «Кантонисты были?» – «Знаю, были, да». – «И что же тебя смущает?» – «Да то, что вы, дедушка, николаевским солдатом были. На фантазию похоже». Гдалье посмеивается: «И к чему тут такое интеллигентское слово? “Фанта-а-зия”. Ты, верно, хотел сказать “брехня”? Ну что? Тогда прямо в точку! – залиvisto хихикает дед. – Таки брехня».

Частенько он забывает, что эта его шутка давно всем известна и опять ее повторяет, чем Исай Шпарага, считающий себя человеком образованным, тут же не преминет воспользоваться:

– Вот вы, реб Гдалье, говорили, – намеренно громко начинает он на этот раз, обводя глазами всех сидящих за столом, как бы приглашая их повеселиться, – говорили, что собственными глазами видели графа Льва Николаевича Толстого?

– Да вот как тебя сейчас вижу.

– Вот оно как! И где же вы его, реб Гедалье, видели? Никак в Ясной Поляне?

– Ну нет.

– А где ж тогда?

– Да тут рядом. У Элика на этажерке, – придя в восторг от собственной остроты, закатывается смехом старый. – Ну что, купил, а? Демагог ты и есть.

В гостиную входят Гавриэл и Инна. Он в черном костюме и в белой нейлоновой рубашке с «артистической» бабочкой вместо галстука, надетой по настоянию дочери. «Ну ты у нас, папа, прямо как премьер-министр!» – оглядев ладную фигуру Гавриэла, оценила его наряд Инна и чмокнула отца в щечку. Сама она кажется сейчас выше ростом по причине высоких каблучков и живописной прически.

Брат Жанны, Наум Лapidус, пока не все заняли места за столом, тенью ходит за Инной по всем комнатам. Наума – высокого брюнета лет тридцати по внешности можно легко принять за кавказца. В поселке все знают (а здесь всегда знают все!), что Лapidус-младший еще со школьной скамьи влюблен в Инну. После школы она уехала в Новосибирск, где поступила в консерваторию, а он, Наум, – в Москву, в ВТУ имени Бумана. Инна так и осталась в «своем» Новосибирске, а Наум возвратился в родные пенаты и работает главным технологом на трансформаторном заводе.

Узнав из газеты о концертах новосибирцев в Хабаровске, Наум в субботу вечером отправился туда, чтобы повидаться с Инной. Он не знал, что она собирается заехать к отцу, и не без труда пробился в артистическую, где певица, веселая и возбужденная после только что закончившегося концерта, отдыхала в кресле перед большим зеркалом. Обрадованная неожиданной встречей, Инна попросила Наума подождать, пока она переоденется в соседней комнате.

Они вышли из Дома офицеров и направились по улице Карла Маркса к гостинице «Дальний Восток», где остановились сибирские артисты. Идя рядом с Инной, слушая ее голос, Наум остро ощутил, что годы так и не смогли вытравить из его сердца ту – неразделенную – любовь к однокласснице.

Они вошли в заполненный людьми, шумный в этот час ресторан, с трудом нашли свободный столик.

– Ты что же, так и не женился, Наум? – спросила Инна.

– Как видишь, – невпопад ответил он.

О ее жизни сам он имел представление весьма смутное: кто-то говорил, что его старая любовь якобы замужем за научным сотрудником из Академгородка. Ходил в поселке слух, что первым мужем Инны был певец из ее театра. Когда-то близко знакомые, они долго говорили в тот вечер, так что Наум едва не опоздал к ночному поезду.

Сейчас он видел Инну среди родных и словно бы узнавал ее заново: милая, спокойная, олицетворение самой женственности, она несколько не походила на ту гордую и величественную особу, что стояла на сцене, у рояля, в окружном ДОСА.

...Несколько стесненные присутствием именитого профессора, гости Йошпе поначалу чувствовали себя несколько скованно. Необычно робким выглядел сейчас Собибенко: испытывающий глубокое уважение к «такому человеку», он только слушал, о чем говорят другие, и лишь молча улыбался. Вскоре, однако, бывший пациент хабаровского доктора убедился в том, что тот не очень-то и выделяется из «поселковых» и разговаривает на простом и вполне понятном языке о вещах обыденных. «Гавриэлов» профессор, оказывается, как и сам он, Николай Собибенко, хорошо помнит тех, кто создавал и обживал поселок Новый, и сейчас оба они – этот доктор и Гавриэл – вспоминали давно забытые комические истории из того времени, когда прибывающие на станцию Тихонькую, а позднее – в рабочий поселок Биробиджан, без особой охоты строили собственные дома в нынешней, страшно заболоченной тогда центральной части города, а «разбегались» по относительно сухим «островам» поодаль от железнодорожной станции. Так и возникли Новый и «Лукаши», Кирпичики и Августовский, Тукалевский и Партизанский... Некоторых гостей удивляла осведомленность хабаровчанина в истории города, поселка и всего, что касается семьи Йошпе. Случается, что даже родственники знают друг о друге меньше, чем знают один и другой, сегодняшний гость в доме Гавриэла и хозяин этого дома.

Мало-помалу к разговору двух старых друзей о делах лет минувших присоединяются все присутствующие. Кто-то с дальнего конца стола обращается к Жанне (она сидит рядом с Эликом с красной розой в пышных волосах):

– А что скажет о нашем юбилее товарищ старший лейтенант Лapidус?

Жанна, да, знает все или почти все, что касается истории областного центра, включая сюда историю нескольких поколений переселенцев. Ей известно, кто какой оканчивал вуз, чьи портреты украшают городскую доску Почета, кто из биробиджанцев стал кандидатом или даже уже доктором наук, каких писателей и деятелей искусства город подарил миру.

– Ну просто живая биробиджанская энциклопедия! – слышится восхищенный возглас.

Тут не упускает подходящего момента дать знать о себе Шпарага. Играя круглыми смеющимися глазами, он говорит:

– Жанночка, а не вспомнишь ли ты про бабушкин талес?

Да, курьезный тот случай пришелся на то время, когда она, Жанна, выпускница «Вышки», только что приехала из Москвы. В горкоме комсомола ее тут же «прикрепили» тогда к поселковой агитплощадке, и девушка, с увлечением принявшись за дело, задумала создать здесь же уголок атеиста. Она знала, что несколько евреев поселка посещают синагогу, живут в Новом также кержаки-старообрядцы, есть здесь и сектанты. С этими людьми и надо было поработать. И хотя в ее милицейской школе читали лекции по научному атеизму, у Жанны, честно сказать, были не очень-то глубокие знания в этой области. Чем тогда и воспользовался Исai Шпарага, выдававший себя за человека религиозного. Как-то Жанна и встретила Шпарагу, неторопливо прогуливавшегося по улице со своей неизменной тросточкой. Надо сказать, что незадолго до этого Жанна, подыскивая экспонаты для вышеупомянутого уголка, на чердаке у одной старушки случайно обнаружила книгу, напечатанную еврейскими буквами, с рассыпающимися в руках пожелтевшими листками. О предназначении своей находки Жанне догадаться было нетрудно, но что собой представляла книга и как она называлась, девушка знать, понятно, не могла. Вот она и попросила при встрече со Шпарагой, в общих чертах описав ему старинную богослужебную книгу, объяснить, что она собой представляет.

– Да как мне не знать, что ты там раскопала? Талес это. Запомни: «та-лес», – с готовностью ответил Жанне «товарищ Шпарага», глядя куда-то поверх ее головы.

Приняв слова Исаия за чистую монету, в тот же день, стоя у плетня в своем дворе, она сообщила о своей находке соседям – Гавриэлу и Гдалье:

– Просто музейная редкость этот старый талес бабушки Мэры. Правда, там странички рассыпались.

Гдалье в откинутой с лица марлевой сетке, похожий на араба в чалме, как раз собиравшийся проведать своих пчел, выразительно крикнув, переспросил:

– Странички, говоришь, рассыпались? Гавриэл, ты слышал такое? Талес да еще со страничками. Это надо ж так!.. Да был бы, Жанна, у той бабушки талес, она бы, как вот я, дедушкой была! – рассмеялся старик.

Но сейчас-то Шпарага вынужден признать, что Жанна, перечитав уже не один десяток книг о религиях, может, по его же словам, быть сразу и раввином, и попом.

Исай Меерович Шпарага к числу наиболее уважаемых людей поселка, правду сказать, не относится. Приехал он в Биробиджан уже после войны из Узбекистана, куда попал по эвакуации. Говорит всем, что имеет высшее образование, и при этом кому-то сообщает, что у него такая-то специальность, а кому-то представляется специалистом вовсе в другой области. Только при всем при этом по приезде в город он пошел работать в госбанк обыкновенным инкассатором. С Гдалье он не в ладах с первой же с ним встречи (было это на похоронах одного старого еврея). Так вот Шпарага, тогда стремившийся заслужить у посетителей синагоги репутацию человека, искушенного в Святом писании, вызвался прочитать заупокойную молитву. Он начал ее петь, но тут же выяснилось, что наизусть он ее текста не помнит. Наскоро закруглившись с пением, Шпарага перешел на обиходный идиш, пожелав на нем отошедшему в мир иной вечного покоя в светлом раю. Гдалье тогда упрекнул Исаю:

– Вам, уважаемый, стоило бы соизмерять свои «хочу» и «могу», а то ведь...

– Что вы этим хотите сказать? – прервал старика Шпарага.

– А то, что слышал я этот ваш «упокой».

Тот насупился:

– Ну слышали... И что? Что это доказывает, я хочу спросить.

– А то, что, с позволения сказать, ваша «молитва»...

– Да что вы за нее цепляетесь? Кто вы такой? Атеист ведь? Так что нет у вас никакого права вмешиваться в наши религиозные дела. У нас, гражданин Йошпе, свобода совести!

– Да, но так все исказить и перевернуть...

Шпарага возмутился:

– Исказить? Граждане, будьте свидетелями: он здесь оскорбил чувства верующего. А за это можно ответить! В Уголовном кодексе специальная статья есть...

Однако позднее, когда Шпарага купил домик по соседству с усадьбой Йошпе, он стал частенько заглядывать к Гдалье.

– Реб Гдалье, – как бы между прочим вставлял он в разговор со стариком. – Лет вам, не сглазить бы, уже таки порядочно. Вот и ходили бы к нам в субботу помолиться. А то у нас, бывает, до миньяна людей не набирается – старики! Тот не пришел, этот

прихворнул... А у меня, реб Гдалье, есть пластиночка – там кантор Сирота поет: чудо, какое исполнение!

Так вот я и поставлю проигрыватель...

– Ай-я-яй, Исайка, – с сокрушенным вздохом отвечает на уговоры Гдалье, оглаживая ладонью бритый подбородок. – Какой из меня, по чести сказать, ходок в синагогу! Я по субботам работаю.

– Ну, это не так-то уж страшно.

– А еще, Исай, трэфное я ем.

– Это ничего.

– А то, что не верю я в Бога, это тоже ничего? – с насмешкой вопрошает дед.

– Это вам просто кажется так, реб Гдалье, – мягко и вкрадчиво продолжает Шпарага. – Конечно же, в нас нет уже той веры, что у наших дедов была. Но вы же знаете, реб Гдалье, что мудрецы говорят? А говорят они, что все течет, все меняется. Само собой, и религия входит в это «всё». Так что и в Бога люди стали по-другому верить.

Сам Шпарага не пропускал ни одной лекции на агитплощадке, где своими, зачастую нелепыми, вопросами пытался посадить лектора в галошу. Выступал же он не просто от себя, а по его собственному выражению, «от имени группы пожилых людей».

– Уважаемый товарищ лектор, тут у нас, у стариков, возник вопрос такого рода. Вот вы тут только что говорили, что...

Кто-то в поселке обозвал Шпарагу демагогом – словечком, которое закрепилось за Исаем как прозвище.

Недавно Шпарага ушел на пенсию и тут же нежданно-негаданно объявил на весь поселок, что порывает с религией раз и навсегда, что к такому решению он пришел после долгих раздумий и основательного изучения авторитетных источников. Да, он осознал, что религия – это таки действительно реакционная идеология и опиум для народа, как писал на этот счет Фридрих Энгельс.

Шпарага одет всегда, что называется, с иголочки, на его добродушном лице под белой щетинкой щек играет румянец. Неизменно общительный, он любит подолгу разгуливать по поселку и рассказывать свежие (по его убеждению) анекдоты.

Сейчас, за столом у Гавриэла, он пытается быть в центре внимания.

– Давненько мы не виделись с вами, Роман Иванович, – громко, через весь стол, обращается Шпарага к профессору.

Лавров близоруко всматривается в лицо Исая: скорее всего, он знаком с ним просто как с бывшим пациентом, не более того.

– Ну так и хорошо, – негромко, как бы про себя произносит профессор. – Очень хорошо, что давно не виделись. Чем реже с нашим братом имеешь дело, тем оно и лучше.

Шпарага пропускает эту реплику мимо ушей. Ему так хочется здесь, на людях, завести с Лавровым разговор «ученый», чтобы блеснуть своей «образованностью».

– А далеко ли, Роман Иванович, вы и ваши уважаемые коллеги продвинулись в области трансплантации сердца? Я тут слышал, что...

Он «слышал»... Окружающим вовсе не хочется слушать разглагольствования Шпараги, и они углубляются в воспоминания о годах давних. Кто-то спорит, кто-то пытается разобраться, чей эшелон прибыл на Тихонькую раньше других, кого можно считать «Колумбом», открывшим то место, на котором ныне располагается поселок, и кто дал ему русское название «Новый», сразу переведенное на идиш словом «Найштот» («Новый город»). Сейчас это слово, написанное когда-то на самодельной вывеске из двух досок, установленной у въезда в поселок, изрядно потерялось и вид вывески никак не ассоциируется с новизной. Скорее, совсем наоборот.

Столы уставлены тремя рядами тарелок и мисочек: в них рубленая печенка, зельц, кетовая икра, яйца, жареный язык, редис... Меж тем женщины-соседки подносят все новые блюда и расставляют по столам разнокалиберные бутылки. Такие же бутылки можно видеть сейчас и на кухонном столе: жители «Нового города» никогда не приходят в гости с пустыми руками. В большой гостиной шумно, звучат шутки, смех.

– Нет-нет! – трясет головой один из поселковых старожилов, – лично мне об этом даже подумать тошно. Ну хорошо, ну дали мне тут квартиру с удобствами. И что мне те удобства? А где мой двор? Где сарайчик, в котором я свою чушку и кролей буду держать?

– Да уж! – смеется Наум Лapidус. – Проблемка действительно не из простых.

Элик, сидящий рядом, легко пожимает под скатертью руку Жанны и тоже вступает в разговор:

– Ну что вы тут расхныкались! Город породниться с вами хочет. Можно сказать, засватать эту вашу деревеньку желает, а вы... Возле старых, но вполне приличных домов мы здесь построим новые, а халупы, которые только вид улицы портят, конечно, уберем. Или прикажете ждать, пока они сами развалятся?

И он перечисляет все, что намечено в поселке построить за пятилетку по генплану.

– О, вот это дело! – радостно переглядываются старые «новгородцы», которых в поселке к «экстремистам» начали относить. Они уже слегка захмелели и чувствуют себя свободнее:

– Вот теперь, Гавриэл, здесь у нас и правда новый город будет!

– За наш «Найштот», за наш новый город! – восклицает кто-то, и засим все выпивают за «именины» поселка.

Шпарага, опрокинув рюмку, пытается негромко пропеть что-то из репертуара хазанов:

Ай, деревья расцветают,

Ай, как годы пролетают.

Время их уносит,

словно дым...

Кто-то из близко сидящих к Исаю старожилов возмущается:

– Что значит «как дым»? Впустую, выходит? По твоей этой песенке получается, что ничего не сделано. Так что ли?

Другие поддерживают приятеля:

– И таки да! Не совсем, как дым.

А старый Гдалье верно переоценил сегодня свои силы. К тому же к нему подсаживался Шпарага и услужливо подsunул ему стопочку «ерша». На старика это тут же подействовало. Он обвел посоловевшими глазами гостей: почему не поют, почему он не слышит голоса Инны? Ну а что касается его, так он, если будет позволено, может запеть первым... И не ожидая испрошенного позволения, Гдалье хриплым, непослушным исполнителем голосом вперемешку «пропел» несколько куплетов старых песен: «Соловей, соловей-пташечка...», «Боже великий, возносим Тебе хвалу...», «Шлойме Горгл умер. Что же делать Хаве?..»

Элик пытался утихомирить деда, но тот разошелся не на шутку и объявил, что хочет танцевать фрэйлэхс. Встав посреди комнаты, Гдалье подвернул полы длинного старомодного пиджака, деловито закатал рукава, но, почувствовав предательскую слабость в ногах, опустился на диван и задремал. И тут же тишину в гостиной нарушили голоса женщин: «У нас же здесь Инна! Инночка, спой нам что-нибудь»; «Инна, пожалуйста, "Румчи-друмчи"!».

Да, песню эту Инна помнила с детства. Не заставив себя упрашивать, она села у старого рояля, на котором не играл никто с тех пор, как она покинула родительский дом, взяла несколько аккордов, и вслед за этим дом наполнился звуками ее сильного красивого голоса. «Разменяй же мне двадцать пять рублей» – пела она. Всем собравшимся в доме Йошпе песня эта была хорошо знакома – ее нередко передавали по местному радио. Но как трогательно и нежно, с какой теплотой и грустью звучали в эти минуты слова старой песни в устах певицы!

«Румчи-друмчи»... Гавриэл смотрел на дочь, и в его восторженном взгляде, казалось, отражался свет какого-то иного, нездешнего мира. «А завтра она улетает, – теснилась в сознании отца тревожная мысль. – И снова разлука на годы...» Гавриэл чувствовал, что на этот раз для него будет особенно тяжело провожать Инну. Да, если время чем-то и вправду похоже на дым, то с возрастом дым этот все оощутимее начинает пощипывать глаза.

Когда Инна закончила петь, Лавров, тихонько выйдя из-за стола, вышел в соседнюю комнату. В этом доме ему знаком буквально каждый уголок. Роман достал со стеллажа, заставленного книгами, тоже давно знакомый ему пухлый фотоальбом в красной плюшевой обложке и примостился с ним возле журнального столика.

На страницах альбома – опять же знакомые ему виды и сценки. Вот он и Гавриэл на пограничной заставе. Оба чубатые, улыбающиеся и молодые-молодые! Вот уже «гражданский» Гавриэл стоит на лесах строящегося деревянного дома в телогрейке и с топором в руке. А вот школьница Инна – две косички торчат из-под белой вязаной шапочки, за плечами – коньки-снегурочки. Другой снимок – Инна, уже взрослая, у рояля. А здесь фотограф запечатлел ее в длинном платье и с веером в руке – Инна в роли Кармен. А вот и он сам, студент Ромка Лавров, рядом с Хаюсей... Какое милое девичье лицо смотрит сейчас на него с пожелтевшего снимка! И он, рослый, широкоплечий, в сапогах и в еще не доношенной гимнастерке со следами споротых петлиц... Это они сфотографировались перед самым отъездом Хаюси на ее родину, на Украину.

Так он сидит с альбомом на коленях и, хмуря густые, тронутые сединой брови, пытается мысленно перенестись в те далекие годы. Роман снова всмотрелся в лицо Хаюси. Обыкновенное лицо. Нет и нет! Необыкновенное! Удивительно прекрасное лицо! И оно волнует его до сих пор, А разве ж он может когда-нибудь забыть-запомнить выражение ее больших глаз, с такой печалью смотревших на мир?.. Давно, перед уходом на фронт, он оставил у жены Гавриэла несколько ценных книг по медицине и вот эту фотокарточку.

Лавров обернулся по сторонам. Нет, в комнате только один он. Бережно отделив фото от альбомной страницы, Роман так же бережно положил снимок в нагрудный карман и смахнул со лба пот, будто только что закончил тяжелую работу. Чтобы немного освежиться, он вышел через веранду во двор. Теплый ночной ветерок чуть слышно перебирает листву высоких тополей возле крыльца. Сверкнули и погасли во тьме искорки двух светлячков. Над крышами поселка в этот час поднималась большая желтая луна. Из-за деревьев Лавров увидел Жанну и Элика, спускавшихся по ступенькам во двор.

И снова Роман вернулся мыслями к людям, которые сегодня здесь, в этом доме, как большой праздник отмечают день рождения своего островка-поселка. Они построили его собственными руками на дальневосточной земле – на земле, которая стала для них родным домом. И еще Лавров подумал о судьбе трех поколений этой близкой ему семьи, волею обстоятельств ставшей частицей его собственной жизни.

– Роман! – слышит он голос Гавриэла. – Где ты, Роман?

Перевод: Валерий Фоменко